

Алексей Брайдербик

Избранное

Рассказы и миниатюры

Алексей Брайдербик

**Избранное. Рассказы
и миниатюры**

«Издательские решения»

Брайдербик А.

Избранное. Рассказы и миниатюры / А. Брайдербик —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830936-6

Сборник рассказов и миниатюр с философским взглядом. В данный сборник входят произведения, которые были написаны за последние три года.

ISBN 978-5-44-830936-6

© Брайдербик А.
© Издательские решения

Содержание

Процесс сотворения моего совершенства	6
Асфальт	7
Культура	8
Другой язык	9
В поле	10
Льдины	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Избранное Рассказы и миниатюры

Алексей Брайдербик

© Алексей Брайдербик, 2022

ISBN 978-5-4483-0936-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Процесс сотворения моего совершенства

Как я появился на свет. Я открыл глаза и увидел тьму – однородную и безмолвную, без размеров и пределов. Я осознавал себя и свои мысли, но не имел представления о том, кем являлся. Был ли я человеком или кем-то еще? Призраком, идеей живого существа или тем и другим одновременно? Я не мог ни говорить, ни даже двигаться, мне только и оставалось, что просто созерцать окружающую тьму – блеск и безупречность ее пустоты.

Сбор.

Целостность.

Распад.

Но вдруг безликая тьма превратилась в бесформенный свет – яркий и даже резкий, теперь-то я точно знал, где находился и частью чего был. Мир, смыкавшийся вокруг меня, – комната с бесцветными стенами, не высоким и не низким потолком, и полом – то ровным, то нет. Всё пространство помещения двигалось, искажалось и искривлялось, впрочем, мне это могло только казаться, как и стены, пол и потолок самой комнаты. И возможно, свет и тьма были всего-навсего отголоском идеи, мысли.

В комнате появился некто. Я понял, что это Творец. Он создал мое туловище, приделал к нему руки, ноги и голову, после наклонился и прошептал:

– Отныне ты – всё!

Творец научил меня говорить, чувствовать и понимать законы мира.

Асфальт

Я падаю в бездну, но это не что-то физическое, материальное, что приводит к распаду и исчезновению плоти. Я падаю в бездну неуверенностей, страхов и неспособности сделать первый шаг, я просто не могу осознать весь механизм: с чего следует начать, чем закончить. Поэтапный процесс – моя логика буксует в попытках осмыслить его природу. Вот пару недель назад я собирался перейти дорогу. Один из трех стеклянных глаз светофора мигал зеленым зрачком.

Казалось бы – иди. Но нет, я не мог сообразить, с какой ноги надо начать движение – с правой или с левой. Я никогда не обращал внимания на такие мелочи и всегда просто шел, куда мне нужно было. Но теперь я стоял, и ветер завывал надо мной, изредка проезжали машины. А я стоял, словно приклеенный. На меня что-то нашло, я как будто увидел себя со стороны. Но это только минутное замешательство, потерянности. Потом, когда я все-таки понял, на какую ногу мне следовало сперва опереться, чтобы сдвинуться с места, я вдруг понял, что не знаю, идти ли мне по намеченной белыми полосами разметке пешеходного перехода или перейти в ином месте, где ее нет. Эти нанесенные белой краской полосы на асфальте сбили меня с толку, я почувствовал тошноту от запаха выхлопных газов автомобилей. Чёрт! Этот запах – от него хочется в обморок упасть. Однако не здесь, не рядом с дорогой, в каком-нибудь другом месте. Не хватало еще, чтобы моя одежда пропиталась мерзким смрадом. Моя обострившаяся чувствительность ужасна, ужасна, прежде всего для меня самого, ибо я никогда не реагировал так остро, так сильно, так болезненно на подобные вещи. Переносил их легко и просто, а в этот раз всё было наоборот.

Я всё же пересилил себя, не знаю уж, как мне это удалось. Я быстро перебежал на другую сторону дороги, перебежал чуть ли не с закрытыми глазами, одним большим вдохом наполнив легкие воздухом до отказа, правда вперемешку с неприятными, но не убийственными испарениями асфальта.

Культура

Об этом не говорят, хотя я считаю, что некоторые вещи надо размещать на площадях и на пересечении сразу нескольких проспектов, так вот об этом не говорят, но существует культура и правила питья водопроводной воды из кружки. Их практически никто не соблюдает. Я знаю, что это безрассудно, но людей не переубедишь, хотя с водой они часто имеют дело. Я, например, в детстве соблюдал и культуру, и правила питья водопроводной воды из кружки. Временами это было обременительно. Как говорится, начни спорить с обстоятельствами и засеки время, через которое ты сдашься. В конце концов, я ведь не дикарь, я не могу чтить образ жизни первобытных предков. Простите, первобытные предки!

.

Другой язык

Я с рождения говорю на совершенно другом языке и абсолютно не говорю и не понимаю языка первых поселенцев – наших предков и моих родственников. Хотя я родился среди соплеменников, и потому чужаком, пришедшим из других мест, меня не назовешь. Я не могу читать книги на нашем прежнем языке, тем более мне не дается письмо на нем. В следующем месяце я отправляюсь в новое место – буду там вместе с другими моими соплеменниками первым поселенцем. Но меня волнует одно: через сколько поколений появится тот, кто не будет понимать нашего нынешнего языка, моего в том числе; кто не сумеет прочесть ни одной книги на нашем – моем – языке (а я обязательно напишу книгу на языке, на котором говорю сейчас) и кто не сможет писать на этом языке?

В поле

...И вот мы вчетвером стояли посреди необъятного поля, посреди высокой зеленой травы. Над полем и над нашими головами – пустота и прозрачная бесконечность голубых просторов неба.

Мы были посередине поля, и до любого его края было одинаково далеко. Поле казалось нам зеленым океаном, покой которого нарушал ветер. Он гнал по траве волны, вихрился, поднимал вверх облачка, в которых клубилась пыль и мелкие семена травы.

Мы были в сердце стихии и на фоне яркой зелени, наверное, выглядели неуместными темными пятнами.

Мы договорились разойтись в разные стороны и, отсчитав ровно сто шагов, развернуться и что-нибудь сделать.

Мы встали спинами друг к другу и одновременно сделали первый шаг. Каждый из нас направился в свою сторону, считая шаги вслух, и чем дальше мы отдалялись друг от друга, тем глуше становились наши голоса. Мы были разными, и всё же единым целым. Нас связывала общая нить мысли, идеи и устремлений. Она проходила сквозь это место, сквозь время и пространство, сквозь наши души.

Мы считали, и наш счет никто не мог остановить – только мы сами. Я мог замолчать. Так могли поступить разом все или кто-нибудь один из нас.

Но наконец я закончил счет, крикнув: «Сто!» – и резко повернулся. Я уловил краем глаза, как мои друзья тоже повернулись вместе со мной. Мы подняли руки и помахали друг другу.

Мы могли бы и вовсе не поворачиваться, как это обычно делают некоторые люди: позади – прошлое, пройденный путь, и нет смысла вновь тратить на него внимание.

Возможно, кто-то из моих друзей, а может быть, каждый из них, кроме, разумеется, меня, уже успел раз-другой оглянуться и оценить расстояние между нами, только никто не выдал себя ничем, да и потом, как бы я узнал об этом, если все мои мысли были заняты подсчетом шагов. Овернуться можно было в любой момент, наш уговор не делать этого до сотого шага основывался лишь на нашем желании, а не на абсолютном требовании, и к тому же этот уговор шуточный, и его нарушение не привело бы ни к каким серьезным последствиям. Овернуться раньше, если бы кому-нибудь из нас надоело это занятие. Овернуться позже, если бы один из нас вдруг сбился со счёта. А вот овернуться ровно в положенный срок – это, пожалуй, самое сложное, практически не осуществимая задача.

Я был уверен в себе, внимательно считал шаги, а что касается других, может статься, их уверенность в собственных силах и внимательность при совершении тех же действий превосходили мои во много раз, а может, наоборот.

Мы существовали в одном пространстве и не чувствовали себя одинокими и потерянными, однако до той поры, пока звучали наши голоса, до момента, когда мы были в состоянии перекликаться. Если бы мы и дальше продолжали двигаться каждый в свою сторону, то не осталось бы от нас ничего, кроме безмолвия.

Я бы попал в никуда, мои друзья оказались бы нигде, а перед нашими глазами и позади нас зеленела бы стена высокой травы.

Льдины

Всё всегда одно и то же. Это некий безусловный, божественный закон, непоколебимое правило вселенной: к нам по морю приплывают льдины. Бесформенные, сверкающие полупрозрачной, немного мутноватой белизной глыбы льда, отличающиеся друг от друга разве что очертаниями и размерами, прибиваются к берегам нашего острова. Если посмотреть на наш остров сверху, то окажется, что он окружен льдинами и их осколками, как горной грядой – высокой и непроходимой, с множеством острых вершин.

Лед – повсюду, он определяющий фактор, при совершении дел мы всегда должны принимать в расчет, толст он или тонок. Казалось бы, суровые условия мест, которые дают нам жизнь и закаляют характер, должны сплачивать нас, объединять и приводить к общему знаменателю, однако – нет, ничего подобного! Холод мира: воздуха, который заполняет наши легкие; твердой мерзлой земли, по которой ступают наши ноги; погоды и мировоззрения – превращает каждого из нас в одиночку – закрытое, постоянно погруженное в себя существо. Мы ищем тепло, свет и радость в себе.

Мы словно льдины, немые, холодные и отстраненные – собираемся в кучу в одном каком-то месте или вокруг какой-нибудь идеи и потом вынуждены сосуществовать. Впрочем, в отличие от тех же самых кусков льда мы еще как-то можем ужиться и примириться друг с другом.

Однажды я в компании еще десяти человек плавал на ледоколе. Наш корабль – сила, противостоящая смертоносной целостности ледяного щита. Корабль двигался вперед и только вперед, сокрушая ледяной панцирь, под которым билась стихия моря. Мы несли свободу морским водам, и волны пенились и бурлили – будто радуясь обретенной свободе.

Присмотрись, здесь ничего кроме льдов. Мы сами, конечно же, – что-то. Но в округе пустынно – и эта пустота была до нас и будет после. Обычный лед несет смерть физической оболочке – телу, лед веры или надежды несет погибель душе. Иногда на приплывавших к нам льдинах попадались животные: детеныши тюленей, медвежата, даже птенцы пингвинов – я не знаю, как они туда попадали, для меня это было странной, непонятной тайной, увитой гирляндами из десятков других не менее невероятных секретов. Найти разгадки, ответить на все животрепещущие вопросы могли только льдины и море, но разве их волнуют попытки такой ничтожной пылинки мироздания, как человек, получить заветную и столь всегда желаемую исчерпывающую истину? Нет! Интересно и вот еще что: ни я, ни кто-нибудь еще ни разу не встречал на льдинах взрослых медведей, тюленей или пингвинов – только молодняк. Может, взрослые особи могут о себе позаботиться, постоять за себя.

А недавно произошел ужасный случай: на одной из льдин – большой, плоской, прямоугольной формы – мы нашли тело мертвого медвежонка. Льдина с мертвым пассажиром скользила по высоко вздымавшимся черным волнам холодного моря. Ветер вихрился, струился и перекачивался над льдиной и под нависающим над морем куполом громадных темно-серых, плотных туч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.